

УДК 80

## СВОЕОБРАЗИЕ ПОНИМАНИЯ АРХЕТИПА «ГОЛУБОЙ ЦВЕТОК» ДРУГИМИ КУЛЬТУРАМИ

© 2019 г.

А.С. Маркова,<sup>1</sup> Г.И. Мамукина<sup>2</sup><sup>1</sup>Московский вертолётный завод им. М.Л. Миля, Томилино<sup>2</sup>Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва

mamukina@mail.ru

Поступила в редакцию 19.11.2018

Рассматривается рецепция символа-архетипа «Голубой цветок» инокультурной средой. С помощью методов анализа и синтеза, сравнения, систематизации и интерпретации фактов исследуется лингвокультурема «Голубой цветок» на примере французской и русской литературы.

*Ключевые слова:* «Голубой цветок», мифический символ, романтизм, лингвокультурема, национальный код, архетип.

Я пришла душою смелой  
Вникнуть в трепет голубой...  
Н. Тэффи

Сегодня, когда всё более очевидным становится крах концепции мультикультурализма [1, с. 5] и приходит понимание культуры как единого поля с бесконечностью постигаемых смыслов и возможностью конструктивного диалога, всё большее внимание уделяется универсальным образам-архетипам и символам, которые содержат национальные коды.

К.Г. Юнг писал, что «понятие «архетип» опосредованно относимо к representations collectives (дефиниция, по сведениям К.Г. Юнга, использованная Леви-Брюлем «для обозначения символических фигур в первобытном мировоззрении» [2, с. 99]. – Г.М. и А.М.), в которых оно обозначает только ту часть психического содержания, которая ещё не прошла какой-либо сознательной обработки (курсив авторов. – Г.М., А.М.) и представляет собой ещё только непосредственную психическую данность» [2, с. 100]. Иными словами, образы-архетипы, оказывая воздействие напрямую на подсознание, воспринимаются не как рецепции инокультурного кода, а как универсалии и потому вольно трактуются перенимающей их культурой.

Эта особенность архетипа в XIX веке стала причиной появления двух школ изучения сказки («то, что подразумевается под «архетипом», проясняется через его соотнесение с мифом, тайным учением, сказкой» [2, с. 100]): мифологической (Я. Гримм, В. Гримм) и миграционной (Т. Бенфей). Однако позже к исследователям пришло понимание о единстве и неразрывности процесса заимствования и зарождения мифа. Как пишет В.П. Даниленко, ссылаясь на А.Н. Веселовского, «усвоение пришло сказочного ма-

териала <...> немисливо без известного предрасположения к нему в воспринимающей среде» [3].

Совсем иначе дело обстоит с символом. Хотя невозможно отрицать, что «культурный символ сохраняет в себе ещё много от своей первоначальной нуминозности (сакральности, божественности) «колдовского начала» [2, с. 86], символы возникают как часть культурного наследия (по замечанию Ю.М. Лотмана, «область культуры – это всегда область символизма» [4, с. 7]) и несут в себе заметную национальную окраску. Разумеется, есть символы, обладающие интеркультурным кодом, являющиеся воплощением общечеловеческих идей. К этой категории, например, можно отнести религиозные символы.

Однако несмотря на то что различие между образом-архетипом и символом значительно, существуют символы-архетипы – образы, сохранившие в себе архетипичное составляющее, воздействующие на бессознательное и в то же время являющиеся символами, элементами культуры.

Как отмечает Г.А. Кажигалиева, «сущность символов-архетипов инвариантна. Возникнув на ранних этапах развития общества, в его «мифологический период», символ (символ-архетип. – Г.М. и А.М.) при устойчивости первоначальной формы пронизывает временные срезы, активно коррелируя с новыми гностическими воззрениями в типологически новом культурном контексте» [5].

Иными словами, такие образы – символы-архетипы – не только не теряют своей силы и значимости по прошествии лет, но и приобретают

новые значения. Кроме того, они могут коррелировать с инокультурной средой, не утрачивая свой национальный код, помогая входить в пространство конструктивного диалога.

К таким архетипам-символам относится «Голубой цветок».

В статье «Архетип «Голубого цветка» как национальный код» [6] авторы, исследуя древнюю фольклорную и мифическую основу образа, приходят к выводу о его особой роли в германском сознании.

В легендах он (*die blaue blume* – нем. *ж.р.* голубой цветок, голубая мечта) воплощает собой архетип Анимы (лат. *Anima* – душа), так как в немецком языке имеет женский род. Но если «обычно сказки завершаются описанием обретения героем Анимы, то есть описанием свадьбы, символизирующей осознание героем своей Анимы» [5], то легенды о «Голубом цветке» завершаются трагично. Герой, потерявший из-за «проклятого золота» «самое ценное», или погибает, или остаётся калекой [6, с. 206; 7].

Мотив «проклятого золота» не раз заставлял видеть в легенде о «Голубом цветке» сходство с сказками о цветении папоротника в ночь Ивана Купалы (нем. Сент-Джона).

Этой теории придерживается В. Б. Микушевич, один из переводчиков произведений Новалиса (Фридриха фон Гарденберга).

Однако, несмотря на кажущееся сходство, сами германцы разграничивали эти две легенды, что находит отражение в «Немецкой мифологии» Я. Гримма. В ней отдельно описывается папоротник и рассказывается о возможности найти клад, но нужно знать, что растение «цветёт только в полночь Сент-Джона, и этот цветок (*kwiat paproci*) труднодоступен, <...> но тот, кто сорвёт его, становится богатым и может пророчествовать» [6, с. 206, 8]. И отдельно говорится о «безымянном чудесном голубом цветке» (*die ungenannte blaue wunderblume*)» [6, с. 206; 8] как о чуде, которому нет конкретного названия, чтобы оно не упоминалось всеу.

Из этого следует, что до написания романа «Генрих фон Офтердинген» образ «Голубого цветка» имел древнюю архетипичную основу, которая позволила писателю создать «мифический символ» [9, с. 80], дающий зримое воплощение нежности, хрупкости и мимолётности; вдохновляющий желанием не прекращать поиск заветного: «Нет, не клады пробудили во мне столь несказанное влечение, – говорил себе юноша. – Я далек от корысти: по голубому цветку я тоскую, увидеть бы мне только голубой цветок» [10 с. 3].

Благодаря роману Новалиса «Голубой цветок» становится символом-архетипом немецко-

язычной культуры. Он представляется как «вера в чудеса» (Г. Гейне), как «залог счастья» (Д. Эйхендорф) и как «прообраз человеческой души» (Х. Риттер-Шаумбург), открывая немецкоязычным писателям, поэтам и исследователям бесконечность постигаемого смысла, а внимательному читателю – «область коллективного бессознательного, где возможна встреча с истинным чудом» [6, с. 207].

Но смог ли «Голубой цветок» действительно пройти через «временные срезы», коррелировать с инокультурной средой и создать посредством расширения своей парадигмы единое семантическое поле для диалога культур?

Ответ на этот вопрос следует искать с опорой на лингвокультурему «Голубой цветок», которая позволяет обратиться к лингвокультурологическому пространству, созданному благодаря многовековым контактам европейских народов друг с другом и с русской культурой.

Именно лингвокультурема позволяет говорить о влиянии немецкоязычного символа «Голубой цветок», потому как символы цветов, в том числе и всех оттенков синего и голубого, встречались во французской литературе и до написания романа «Генрих фон Офтерденген». Есть ряд исследователей, которые полагают, что Новалис вполне мог заимствовать образ из французской литературы. С.Г. Горбовская пишет: «Связь рассказа о миннезингере XIII в. в «Генрихе фон Офтерденгене» с народным преданием о голубом цветке пастухов вполне логична, но должен был быть цветок, близкий по времени к самому Новалису» [11, с. 18].

Автор указывает на то, что «Голубой цветок» встречается в поэзии А. фон Шамиссо и даже становится самостоятельным символом автора («колокольчиком Шамиссо»), а также занимает видное место в творчестве других французских писателей и поэтов: «Во французской традиции начала XIX в. василек встречается в поэзии Гюго: «Васильки» («Восточные мотивы»), «Ночь почтенна в полях...», «В окрестностях Парижа», «Поэт-богач», «Равенство» («Песни улиц и лесов») и т. д., О. Барбье: «Васильки» 1831 («Ямбы»), Ф. Копе: «Баллада в честь зерна» («Откровенные слова») [11, с. 21].

Однако фразеологический уровень французского языка указывает на то, что лингвокультурема «Голубой цветок» является для французской культуры рецепцией с сохранением национального кода германского символа-архетипа, потому как воспринимается с иронией, даже с пренебрежением.

Как отмечает К.А. Соколова, во французском языке само прилагательное «bleue» часто ассоциируют со сказочным, непостижимым,

выдуманным и поэтому имеет «новое негативное оценочное значение «ложь, удивление»: фр. *mnte(s) bleu(s)* (букв. голубые рассказы) – басни, небылицы, вздор; *elle est bleue, celle-la!* (букв. эта, она – голубая) – разг. эка небылица! Турусы на колесах! *en etre (en demeurer, en rester) bleu* (букв. быть/пребывать/оставаться синим) – разинуть рот от изумления, растеряться. печаль, грусть» [12, с. 140]. Выражение «*Être fleur bleue*» (дословно, фр. «быть голубым цветком») означает быть чересчур наивным, сентиментальным [13].

Возможно, именно поэтому С. Малларме видел в лазури неба нечто предательское, опасное: «В стихотворении «Лазурь» голубое небо, бывшее для романтиков знаком «небесной родины» (вспомним Новалиса и его голубой цветок), оказывается безжалостным, губящим поэта. «Вечная лазурь» поражает его душу своим «презрением», своей «бесстрастной иронией»» [14, с. 17].

Такая реакция может быть объяснена тем, что если даже первые образы небесно-голубых цветов и появились во французской культуре раньше выхода романа «Генрих фон Офтердинген», они не являлись «мифическими символами». И потому вхождение «Голубого цветка» Новалиса в социально-ориентированную культуру Франции было воспринято как вызов, как отголосок «тёмной» средневековой эпохи. Поэтому во французской словесности «Голубой цветок» приобрёл ироничные оттенки, связанные с наивностью и бессилием.

Русская культура, напротив, стремилась к постижению образа «Голубого цветка»: не только к восприятию его как линвокультураны, но и к осмыслению как символа-архетипа.

В конце XIX – начале XX века в русской литературе развивается интерес к «Голубому цветку». О нём пишут Вяч.И. Иванов, В.Я. Брюсов, А. Белый (Б.Н. Бугаев), А.А. Блок, И. Северянин (И.В. Лотарёв). Образ встречается в стихах и переводах Н.С. Гумилёва.

Как отмечают Е.А. Денисова и И.Е. Лоцилов, в то время «появляется ряд исследователей, которые обращаются к истории и теории романтизма: Ф.А. Браун (статья «Немецкий романтизм» (1912)), В.М. Жирмунский (книга «Немецкий романтизм и современная мистика» (1913)). Творчество Новалиса вызывало интерес у символистов, которые питались идеями романтизма, его мистическими и трансцендентными исканиями» [15, с. 119].

Авторы предполагают, что русские символы, участники «сред» на «башне» Вяч. Иванова, воспринимали «Голубой цветок» в рамках «общекультурного представления» и лишь дополняли его парадигму новыми образами: «Несомненно, Тэффи был знаком роман о голу-

бом цветке. У Новалиса образ цветка – это нечто метафоричное, в поэзии Тэффи он назван ирисом, а значит, имеет совершенно конкретный физический образ. Однако общекультурное представление о том, что голубой цветок является метафорой *недостижимого идеала* (курс. авторов. – А.М. и Г.М.), остается основной смысловой доминантой и в сборнике Тэффи» [15, с. 120].

Однако строки самой Тэффи говорят практически об обратном. Поэт не грустит о невозможности достичь совершенства, в её строках нет меланхолии, в них – деятельное, ярое желание постичь глубину, дойти до самой сути: «Я пришла душою смелой, *вникнуть* (курс. авторов. – А.М. и Г.М.) в трепет голубой...» [16, с. 41].

Именно «вникнуть». То есть полностью погрузиться, предаться и постигать. Но не «понять». Так как логически, рационально, математически точно приблизиться к «Голубому цветку», а вместе с ним ко всему пласту архаической, мифической самобытности невозможно.

Такое постижение требует определённого мужества и смирения. Об этом как о беспрепятственном поиске, результатом которого становится обретение мира и гармонии, пишет и А. Блок: «Я искал голубую дорогу / И кричал, оглушённый людьми, / Подходя к золотому порогу, / Затихал пред Твоими дверьми» [17].

Обращение на «Ты» с заглавной буквы в русской словесности предполагает общение с Богом, но А. Блок обращается к даме. Но не к земной женщине или девушке, а к кому-то более возвышенному. В традиционной культуре это образ Богородицы, Царицы Небесной.

Однако в стихотворении «Царица смотрела заставки» А. Блок разделяет единый образ Девы-матери на составляющие: Царицу, чей цвет в стихотворении синий, и Царевну, которой соответствует голубой цвет. Эти тона в христианской традиции «символизируют вечность, веру, верность» [18, с. 69].

А. Блок замечает: «Царевна румяней царицы – Царицы, ищущей смысла» [19]. И затем подводит к выводу: «Поклонись, царица. Царевне – Царевне золотокудрой; От твоей глубинности древней – Голубиной кротости мудрой» [19].

А. Блок, по сути, указывает на раздробление целостного (мифического) сознания, которое может снова стать единым, если рациональная часть (безусловно, древняя, во всём ищущая смысл), подкреплённая сильными социальными и личностными мотивами, перестанет доминировать над духовной, которой присуще гармоничное, чуткое – «кроткое», в контексте стихотворения – восприятие мира.

То, о чём А. Блок сказал поэтически, В.Я. Брюсов описал в статье «Голубой цветок»:

«Все Средневековье было проникнуто культом Девы. Но Ренессанс его уничтожает, вызывая сильный индивидуализм, т. е. каждая отдельная личность достигает полноты своего самоопределения в такой степени, что она чувствует себя отделенной от всего мира. Завершение эволюции социальной идеи было бы невозможно без этой индивидуализации. (Впрочем, на этом определении не настаиваю). Личность нашла свое я в себе, но нашла слишком эмпирически, и злоупотребила этим – род грехопадения, которое можно искупить только посредством развития религиозного творчества – создания *нового религиозного сознания* (курсив авторов. – А.М. и Г.М.). Чрезмерное развитие индивидуальных восприятий уничтожило чувствование связей всех с Матерью-Землей, и отсюда паде-ние культа Богородицы» [20].

Как и Новалис в эссе «Христианство, или Европа», который говорил о «едином христианском мире» [21, с. 1], В.Я. Брюсов под «новым религиозным» подразумевает целостное сознание, которое А. Ф. Лосев назвал «мифическим» [9, с. 35]. Это сознание даёт бесконечность постижения и трактовки символа, объединяя все их общим полем культуры. Такому сознанию «Голубой цветок» видится «заветной мечтой» [22], к которой хочется непрестанно стремиться.

Символ-архетип «Голубой цветок» привнес в мировую культуру ощущение связи с первоначалом, с архаикой, так как смог сохранить в себе связь с архетипичным началом Анимы, подчеркнутым художественным образом, созданным Новалисом, и, благодаря личному трепетному отношению поэта к идее поиска духовного совершенства, стал и «мифическим символом». И как бы ни воспринималась эта связь: как «заветная мечта» или «как недостижимый идеал», – она вывела диалог культур на новый уровень. На уровень коммуникации в едином семантическом поле.

#### Список литературы

1. Национальные коды в европейской литературе XIX–XXI веков: Коллективная монография. Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2016. 677 с.
2. Юнг К.Г. Архетип и символ [Электронный ресурс]. М.: Ренессанс, 1991 262 с. Режим доступа: <http://pedlib.ru/Books/6/0047/6-0047-1.shtml> (дата обращения: 21.12.2018).
3. Даниленко В.П. О сказочной картине мира [Электронный ресурс]. Credo Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2017. № 4 (15). Режим доступа: <http://ce.if-mstusa.ru> (дата обращения: 21.12.2018).
4. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство, 1994. 399 с.
5. Кажигалиева Г.А. Образы-архетипы и символы-архетипы в системе текстовых лингвокультурологических единиц [Электронный источник]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19553961> (дата обращения: 21.12.2018).
6. Маркова А.С., Мамукина Г.И. Архетип «Голубого цветка» как национальный код // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 5. С. 205–208.
7. <http://www.gudensberg.de/die-sage-von-der-blaue-n-blume>
8. Grimm J. Deutsche Mythologie / Drei Lilien Verlag. W., 1992. 1552 p
9. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 320 с.
10. Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Наука, Ладомир, 2003. 288 с.
11. Соколова К.А. Структурно-семантические особенности фразеологизмов с цветовым компонентом в западно-романских языках (на материале испанского, французского и итальянского языков): Дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. СПб., 2016. Режим доступа: <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/bCk5HG7xpz.pdf> (дата обращения: 13.10.2018).
12. Горбовская С.Г. Из истории «Голубого цветка» как одного из художественно-литературных символов французской, немецкой и русской литератур XIX в. // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2010. Вып. 1. С. 16–24.
13. <http://www.expressio.fr/expressions/etre-fleur-bl-eue.php>
14. Михайлова Т.В. Поэзия французского символизма. М.: ВГИК, 2012. 35 с.
15. Денисова Е.А., Лоцилов И.Е. Мифологический сюжет о голубом цветке в сборнике стихотворений Тэффи «Семь огней» // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 118–126.
16. Тэффи Н. Семь огней. СПб.: Шиповник, 1910. 120 с.
17. Блок А.А. Я искал голубую дорогу [Электронный ресурс]. Декабрь 1902. Режим доступа: <http://biblioteka-poeta.ru/ya-iskal-golubuyu-dorogu/blo-k-a-a> (дата обращения: 17.10.2018).
18. Мужикова О.Н. Концепты цвета в картине мира английского сленга: Дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. СПб., 2016. Режим доступа: [https://disser.spbu.ru/disser2/disser/Muzhikova\\_dissertat-siya.pdf](https://disser.spbu.ru/disser2/disser/Muzhikova_dissertat-siya.pdf) (дата обращения: 02.10.2018).
19. Блок А.А. Царица смотрела заставки [Электронный ресурс]. Декабрь 1902. Режим доступа: <http://www.goldpoetry.ru/blok/index.php?p=946> (дата обращения: 17.10.2018).
20. Брюсов В.Я. «Голубой цветок» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-ger/bryusov-goluboj-cvetok.htm> (дата обращения: 17.10.2018).
21. Новалис. Христианство, или Европа. Фрагмент. Генрих фон Офтердинген. (Heinrich von Ofterdingen). М., 2003. С. 134–145.
22. Тришкин В.Н. Большой русский словарь-справочник синонимов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://trishin.net/> (дата обращения: 17.10.2018).

**PECULIARITIES IN THE UNDERSTANDING OF THE «BLUE FLOWER»  
ARCHETYPE BY OTHER CULTURES***A.S. Markova, G.I. Mamukina*

The article discusses the reception of the «Blue Flower» archetype-symbol in a different cultural space. This study, which involved the methods of analysis and synthesis, comparison, systematization and interpretation of facts, is intended to consider the linguocultureme of the Blue Flower using the example of French and Russian literature.

*Keywords:* «Blue Flower», mythical symbol, romanticism, linguocultureme, national code, archetype.

*References*

1. Nacional'nye kody v evropejskoj literature XIX – XXI vekov: Kollektivnaya monografiya. N. Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I. Lobachevskogo, 2016. 677 s.
2. Yung K.G. Arhetip i simvol [Elektronnyj resurs]. M.: Renaissance, 1991. 262 s. Rezhim dostupa: <http://pedlib.ru/Books/6/0047/6-0047-1.shtml> (data obrashcheniya: 21.12.2018).
3. Danilenko V.P. O skazochnoj kartine mira [Elektronnyj resurs]. Credo Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk. 2017. № 4 (15). Rezhim dostupa: <http://ce.if-mstuca.ru> (data obrashcheniya: 21.12.2018).
4. Lotman Yu.M. Besedy o russkoj kul'ture. SPb.: Iskustvo, 1994. 399 s.
5. Kazhigaliev G.A. Obrazyarhetipy i simvoly-arhetipy v sisteme tekstovyh lingvokul'turologicheskikh edinic [Elektronnyj istochnik]. Rezhim dostupa: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19553961> (data obrashcheniya: 21.12.2018).
6. Markova A.S., Mamukina G.I. Arhetip «Golubogo cvetka» kak nacional'nyj kod // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2018. № 5. S. 205–208.
7. <http://www.gudensberg.de/die-sage-von-der-blaue-n-blume>
8. Grimm J. Deutsche Mythologie / Drei Lilien Verlag. W., 1992. 1552 p.
9. Losev A. F. Dialektika mifa. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. 320 s.
10. Novalis. Genrih fon Ofterdingen. M.: Nauka, Landomir, 2003. 288 s.
11. Sokolova K.A. Strukturno-semanticheskie osobennosti frazeologizmov s cvetovym komponentom v zapadno-romanskih yazykah (na materiale ispanskogo, francuzskogo i ital'yanskogo yazykov): Dis. ... kand. filol. nauk [Elektronnyj resurs]. SPb., 2016. Rezhim dostupa: <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/bCk5HG7xpz.pdf> (data obrashcheniya: 13.10.2018).
12. Gorbovskaya S.G. Iz istorii «Golubogo cvetka» kak odnogo iz hudozhestvenno-literaturnyh simvolov francuzskoj, nemeckoj i russkoj literatur XIX v. // Vestnik SPbGU. Ser. 9. 2010. Vyp. 1. S. 16–24.
13. <http://www.expressio.fr/expressions/etre-fleur-bl-eue.php>
14. Mihajlova T.V. Poehziya francuzskogo simvolizma. M.: VGIK, 2012. 35 s.
15. Denisova E.A., Loshchilov I.E. Mifologicheskij syuzhet o golubom cvetke v sbornike stihotvorenij Tehffi «Sem' ognjej» // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2018. № 2. S. 118–126.
16. Tehffi N. Sem' ognjej. SPb.: Shipovnik, 1910. 120 s.
17. Blok A.A. Ya iskal golubuyu dorogu [Elektronnyj resurs]. Dekabr' 1902. Rezhim dostupa: <http://biblioteka-poeta.ru/ya-iskal-golubuyu-dorogu/blok-a-a> (data obrashcheniya: 17.10.2018).
18. Muzhikova O.N. Koncepty cveta v kartine mira anglijskogo slenga: Dis. ... kand. filol. nauk [Elektronnyj resurs]. SPb., 2016. Rezhim dostupa: [https://disser.spbu.ru/disser2/disser/Muzhikova\\_dissertatsiya.pdf](https://disser.spbu.ru/disser2/disser/Muzhikova_dissertatsiya.pdf) (data obrashcheniya: 02.10.2018).
19. Blok A.A. Carica smotrela zastavki [Elektronnyj resurs]. Dekabr' 1902. Rezhim dostupa: <http://www.goldpoetry.ru/blok/index.php?p=946> (data obrashcheniya: 17.10.2018).
20. Bryusov V.Ya. «Goluboj cvetok» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-ger/bryusov-goluboj-cvetok.htm> (data obrashcheniya: 17.10.2018).
21. Novalis. Hristianstvo, ili Evropa. Fragment. Genrih fon Ofterdingen. (Heinrich von Ofterdingen). M., 2003. S. 134–145.
22. Trishkin V.N. Bol'shoj russkij slovar'-spravocnik sinonimov [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://trishin.net/> (data obrashcheniya: 17.10.2018).